

— Потом разберемся, я в любом случае не проиграю, — Лю Яоцин не слишком беспокоился за себя, он тревожился за Юй-гэра и других красивых гэров в деревне Шангу.

Попросив других торговцев передать весть, Лю Яоцин повернулся и пошёл в теплицу. Кукуруза хоть и не капризная культура, но всё же росла в теплице, и если вдруг что-то сделаешь не так, убытки будут большими, ведь пока такие хорошие семена — в единственном экземпляре.

К счастью, Бао-гэр был очень внимателен, каждый день, кроме еды, пропадал в теплице, и завидя что-то не то, тут же принимался за дело. Когда Лю Яоцин пришёл, Бао-гэр сидел на корточках над подземным каналом отопления и рукой проверял температуру серых кирпичей.

Рядом было несколько кирпичей, которые вынули и положили обратно. Лю Яоцин тоже присел и потрогал их, но большой разницы не почувствовал.

— Канал долго топился, внутри скопилась зола, забился... — Бао-гэр немного путался в объяснениях.

Всего за несколько дней Бао-гэр начал есть вкусно и спать спокойно, на лице появился мяс, шрамы на теле постепенно заживали, и силы для работы появились. Каждый раз, когда Лю Яоцин приходил, Бао-гэр выглядел очень радостным.

— Умница, Бао-гэр, ты очень хорошо справляешься, — Лю Яоцин улыбнулся и кивнул.

Через несколько дней нужно будет подкормить, Лю Яоцин рассчитал подкормить два раза, надеясь, что кукуруза вырастет крупной.

— Бао-гэр, спроси у своего дедушки, не нужно ли вам чего-нибудь. Через несколько дней я собираюсь закрыть двери теплицы и не пускать никого ни внутрь, ни наружу, — Лю Яоцин, видя недоумение Бао-гэра, объяснил. — На самом деле ничего особенного, просто через несколько дней из уезда приедут люди, и я не хочу, чтобы они узнали про эти хорошие вещи. Когда они уедут, я открою двери.

— Нам с дедушкой ничего не нужно, — сразу ответил Бао-гэр.

Раньше они недоедали, мерзли и каждый день получали побои. Теперь ели вкусно, одевались тепло, в теплице всегда было тепло, толстую одежду носить вообще не нужно, ночью спать тоже не было холодно. Бао-гэр с дедушкой были очень довольны.

Хотя они ничего не говорили, Лю Яоцин всё равно принёс много лепёшек и овощей, дров и воды.

Двери закрывали не наглухо, Лю Яоцин всё равно приходил каждый день узнавать, как дела, а если чего-то не хватало, передавал через окно.

Так они и готовились. Не прошло и нескольких дней, как уездный начальник Ду получил весточку от Лю Яоцин и сразу же велел братьям Ню и старику Ню написать расписку, после чего отпустил их.

Уездный начальник Ду по доброте душевной попросил караван торговцев взять братьев Ню с собой, доехать до городка, а потом уже возвращаться в деревню.

В тюрьме их особо не мучили, уездный начальник Ду лично приказал надзирателям кормить их досыта, но дух братьев Ню был уже не тот. Входя в деревню, они жались друг к другу, боясь

смотреть на людей.

Раньше Нью Лаода был ужасно грозным, играл в азартные игры в городке и в итоге потерял руку, но не посмел заявить в ямэнь. Нью Лаосань в обычное время только пил и хулиганил, как и Нью Лаоэр, но, попав в ямэнь, не смели пикнуть.

Старик Нью, несмотря на почтенный возраст, дома вёл себя как тиран, бил своего мужа, но попав в ямэнь, и пукнуть боялся. Вернувшись домой, он заболел.

В этом году дрова, которые Бао-гэр и старый муж собрали на улице, Лю Яоцин велел перенести, и дома дров не осталось. Старик Нью лежал на холодном кане и вспомнилась доброта старого мужа.

Нью Лаоэр продолжал ругаться, но больше не смел идти в семью Лю или искать Лю Яоцина. Он испугался.

Лю Яоцин смог отправить его в тюрьму в первый раз, сможет и во второй. Сказок уездного начальника выходило, что это Лю Яоцин велел их выпустить. Если в следующий раз они снова обидят Лю Яоцин, то, попав в большую тюрьму, придётся там сидеть до конца дней.

Просидев дома несколько дней, братья Нью всё же вышли, опустив головы, пошли в горы собирать дрова, чтобы топить кан, греть воду и готовить еду.

Старик Нью, таща больное тело, вышел из деревни и пошёл в горы искать Лю Яоцина. Тот как раз был снаружи с Чжэцзы-гэ, играли с Эр Ха и Хэйбэй. Увидев, как старик Нью, худой как скелет, подходит, Лю Яоцин улыбнулся:

— Зачем пришёл?

— Позови Чжао-гэра обратно, я больше не буду его бить, — старик Нью редко кланялся, теперь говорил низко, лишь бы Лю Яоцин кивнул.

Держа лапу Эр Ха, Лю Яоцин заставил его идти на двух ногах. Мао Бай, семена короткими ножками, подбежал, как шарик врезался в Эр Ха, и два малыша сразу возились.

Лю Яоцин с отвращением передал Эр Ха Чжэцзы-гэ, поднял Хэйбэй и начал гладить, на лице всё ещё улыбка:

— Почему захотел, чтобы дедушка вернулся?

— ... — Старик Нью промолчал.

— Может, дома некому собирать дрова, некому прибираться и готовить? В доме холодно, на холодном кане спать неуютно, правда? — Лю Яоцин плотнее запахнул куртку, не пуская холодный ветер. — Раньше всю эту работу делал дедушка и Бао-гэр, теперь их нет дома, так что...

— Всё-таки вместе полжизни прожили, пусть вернётся, потом три сына будут ухаживать до конца дней, — лицо у старика Нью вытянулось, голову опустил, на Лю Яоцин не смотрел, продолжил. — В дальнейшем я его больше не буду бить, не буду ругать, будем жить по-людски.

Слушая эти не больно-то и обидные слова, Лю Яоцин рассмеялся.

Раньше в деревне многие видели, как старик Нью чуть не забил до полусмерти старого мужа,

когда тот только женился и пришёл в дом. Лежал у своих ворот, ждал смерти, а старик Нью и не собирался управляться. Потом старый муж сам ожил и вернулся работать.

Если бы он действительно раскаялся, то за эти десятки лет в любое время мог, почему именно сейчас?

Лю Яоцин не верил, но всё равно нужно было спросить старого мужа, чтобы тот знал в сердце, что не бить и не ругать своего гэра — это ещё не всё. Это то, что должен делать нормальный человек, похвалы и награды за это не требуется.

— Ты, кажется, что-то перепутал...

Перед стариком Нью, даже если он старший и старейшина, у Лю Яоцин не было ни капли уважения.

— Это не получается, если ты просто не будешь бить и не ругать дедушку, — Лю Яоцин с насмешкой улыбнулся, потом продолжил. — Посмотри на другие семьи, где вся работа достаётся одному. Неужели ты думаешь, что все домашние дела должны делать гэры, это само собой разумеется?

Даже если старик Нью это понимал, Лю Яоцин всё равно должен был спросить старого мужа. Если он захочет вернуться, пусть возвращается, а дальнейшее Лю Яоцин больше трогать не станет.

В жизни много всякого, не всегда есть люди, которые помогут, в конце концов нужно самому отвечать за себя.

Старик Нью, то ли понял, то ли узнал, что Лю Яоцин не собирается отпускать человека, ушёл потеряннным видом и больше не ходил в горы искать Чжао-гэра. Потом старик Нью снова серьёзно заболел, волосы стали седыми, тело уже было не то, очень редко выходил, всё время сидел дома.

Он понял смысл слов Лю Яоцин, но также знал, что вряд ли сможет изменить характер, сложившийся за большую часть жизни. Если Чжао-гэр вернётся, через несколько дней определённно снова будут старые привычки, лучше уж полностью отпустить Чжао-гэра на волю.

Старик Нью так думал, речь не о совести, просто осознал, что он на самом деле палач, весь в невидимой крови, хотел уйти чистым, думая, что в будущем под землёй не будет стыдно перед семьёй Чжао-гэра.

Позже Лю Яоцин нашёл удобный случай и спросил старого мужа. Этот гэр, трудившийся большую часть жизни, был ещё не стар по годам, но уже выглядел дряхлым. Он даже не думая ответил:

— Я к нему только ненависть чувствую, назад не вернусь. Раньше думал, что жизнь можно так только прожить, иначе не выживешь, но теперь знаю, что одному тоже можно жить хорошо, спокойно.

Услышав слова старого мужа, Лю Яоцин больше не спрашивал об этом деле.

У въезда в деревню Шангу пегая лошадь, знакомая с дорогой, тянула повозку, цокая копытами, въехала в деревню, свернула в переулок, остановилась у больших ворот семьи Лю, почувствовав запах внутри, по привычке фыркнула.

В семье Лю было шумно.

Только кан в комнате старика Лю был горячим весь день. Кан в комнате второй ветви, где спали Юй-гэр и Шэнь-ши, топили только ночью. В первой ветви дров не было, весь день было холодно. Лю Цюаньфу днём либо лежал на кане в главной комнате, либо ходил к другим в гости, грел каны, зато вечером, когда ложились отдыхать, было тяжело: кан в комнате первой ветви был ледяным, реально уснуть было невозможно.

Младшая Ли-ши придумала идею, велела Чжун-гэ сказать Вэй-ши, чтобы на приданое купили дрова. Дрова в деревне были недорогими, несколько монет за вязанку.

<http://bllate.org/book/16688/1531988>